

·thebigbook·

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

**Полное
собрание
рассказов**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н 14

Vladimir Nabokov
COLLECTED STORIES
Copyright © 1995, Vladimir Nabokov
All rights reserved

Редактор Андрей Бабилов

Рассказы «Говорят по-русски», «Звуки», «Боги» и «Наташа»
подготовлены по архивным текстам к первой публикации А. Бабиловым,
последний — при участии Г. Барабтарло

Рассказы в переводе Г. Барабтарло публикуются с сохранением особенностей
орфографии и пунктуации переводчика

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Набоков В.

Н 14 Полное собрание рассказов / Владимир Набоков ; сост.
А. Бабилов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. —
752 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-10586-7

Подготовленный в 1995 году сыном писателя Дмитрием Набоковым английский том короткой прозы Набокова хорошо известен на Западе. Однако по-русски, на «ничем не стесненном, богатом, бесконечно послушном» языке, на котором Набоков написал большую часть своих рассказов, книга увидела свет с большим опозданием. Благодаря многолетней работе исследователей под одной обложкой удалось собрать все шестьдесят восемь рассказов, написанных Набоковым в 1920–1951 годах в европейской эмиграции и Америке. Многие из них стали событием еще при жизни автора и были переведены на все основные мировые языки. Кроме того, в книге представлены редкие произведения мастера, а также заметки Набокова к рассказам. Издание снабжено предисловием и примечаниями Дмитрия Набокова, значительный свод сведений читатель найдет также в примечаниях редактора и составителя собрания Андрея Бабилова. Английские рассказы Набокова печатаются в переводах Геннадия Барабтарло.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Бабилов, составление, примечания, 2012, 2015
© Г. Барабтарло, перевод, примечания, 2001, 2012
© Е. Петрова, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10586-7

Предисловие*

Печатавшиеся ранее по отдельности в повременных изданиях и вошедшие — в тех или иных сочетаниях — в предыдущие сборники, пятьдесят два рассказа Владимира Набокова составили четыре дефинитивных тома, выпущенных при жизни автора: «Nabokov's Dozen» [«Набокова дюжина»] и три другие «дюжины», по тринадцати рассказов в каждой: «A Russian Beauty and Other Stories» [«Красавица»], «Tyrants Destroyed and Other Stories» [«Истребление тиранов»] и «Details of a Sunset and Other Stories» [«Подробности заката»].

Долгое время Набоков высказывал намерение издать еще одну, последнюю «порцию» рассказов, но не был уверен, что у него наберется довольно сочинений, отвечающих его требованиям, которые могли бы составить пятую набоковскую — или же обычную — дюжину. Его писательская жизнь была столь насыщенной и оборвалась столь внезапно, что произвести окончательный смотр он не успел. Набросав краткий карандашный перечень рассказов, достойных, с его точки зрения, выхода в свет, он озаглавил его так: «Со дна жестянки». Как он мне объяснил, это относилось не к качеству рассказов, а единственно к тому обстоятельству, что среди произведений, готовых к рассмотрению в тот период, эти оказались последними, заслуживающими публикации. Тем не менее, после того как наш архив был упорядочен и скрупулезно проверен, мы с Верой Набоковой пришли к счастливому общему числу тринадцать — все эти произведения, по нашим осторожным оценкам, Набоков мог бы посчитать приемлемыми. Таким образом, набоков-

* Предисловие Дмитрия Набокова (1934–2012) для подготовленного им первого английского собрания рассказов Набокова (1995), легшего в основу настоящего издания. Перевод выполнен по новому, дополненному изданию: *The Stories of Vladimir Nabokov*. Vintage Books, 2008. — *Прим. ред.*

ский перечень «Со дна жестянки», помещенный в конце этого предисловия, следует считать неполным и предварительным: в нем значатся только восемь из тринадцати впервые публикуемых рассказов, а помимо этого еще «Волшебник», не включенный в настоящее издание, но выпущенный на английском языке отдельной книгой как короткий роман в 1991 году.

Из списка, помеченного «Рассказы, написанные по-английски», также воспроизведенного после этого предисловия, Набоковым исключена «Первая любовь» (впервые опубликованная под названием «Colette» [«Колетт»] в журнале «Нью-Йоркер») — то ли по недосмотру, то ли по той причине, что это произведение преобразовалось в главу книги «Свидетельствуй, память» (первоначально названной «Убедительное доказательство»). В верхнем левом углу списка имеются указания по оформлению текста, которые позволяют предположить (несмотря на то что сделаны они по-русски), что список этот был чистовым вариантом, подготовленным для машинописи. В обоих факсимильных списках есть некоторые неточности. Например, рассказ «Сестры Вэйн» был написан в 1951 году.

Рассказы, включенные в четыре упомянутых «дефинитивных» издания, были с великим тщанием подобраны и композиционно расположены самим Набоковым с учетом различных критериев, таких как тема, время сочинения, атмосфера, однородность, разнообразие. Здесь следует указать, что и в последующих переизданиях каждый рассказ должен сохранять свое «книжное» место. Быть может, заслуживает права на отдельное англоязычное издание и книга из тринадцати рассказов, озаглавленная по одному из них, — «Венецианка» и известная во Франции и Италии как «La Vénitienne» и «La veneziana» соответственно. В европейских странах эти тринадцать рассказов выходили и в сборниках, и по отдельности, а предыдущие четыре «дюжины» разошлись по всему миру, и подчас весьма произвольными созвездиями, как, например, недавно изданная в Израиле «Русская дюжина». О публикациях в постперестроечной России даже не хочу говорить: до недавнего времени там, за редкими исключениями, буйно цвело колоссальных масштабов пиратство (во всех смыслах), хотя теперь на горизонте забрезжили перемены к лучшему.

Настоящее полное собрание рассказов, не имеющее своей целью композиционно затмить предыдущие сборники, тщательно выстроено по хронологическому принципу, во всяком случае, насколько это было возможно. Посему кое-где пришлось изменить

принятый в более ранних изданиях порядок следования рассказов, а в ряде случаев — включить в соответствующие места впервые помещаемое произведение. Мерилом для составления настоящего собрания послужило время сочинения того или иного рассказа. В тех же случаях, когда точная датировка оказывалась невозможной или спорной, учитывалась дата первой публикации или другие упоминания*. Одиннадцать из публикуемых впервые тринадцати рассказов прежде не переводились на английский язык. Из них пять рассказов увидели свет лишь в недавних изданиях «новых» тринадцати на различных европейских языках. В конце настоящего собрания приводятся дополнительные библиографические сведения и некоторые другие любопытные подробности.

Одним из очевидных преимуществ нового расположения рассказов является удобство в обозрении совершенствования Набокова как беллетриста. Примечательно также, что векторы его творческого роста не всегда линейны: среди ранних, подчас незамысловатых рассказов порой сверкнет поразительно зрелая вещь. Проливая свет на эволюцию творческого процесса и давая увлекательные примеры овладения темами и приемами, которые будут использоваться позднее, особенно в романах, рассказы Владимира Набокова при этом находятся среди его самых непосредственно доступных сочинений. Даже в тех случаях, когда они в той или иной мере сохраняют связь с более крупными произведениями, рассказы эти самодостаточны. Даже когда их отличает многоуровневость прочтений, они требуют только нескольких литературных предпосылок. Они без всяких оговорок предлагают читателю вознаграждение, независимо от того, отважился ли он или нет уйти с головой в более крупные и глубокие произведения Набокова или погрузиться в его биографию.

За переводы «новых» тринадцати несу ответственность я один. До этого английские переводы почти всех рассказов, первоначально опубликованных на русском языке, были результатом безоблачного сотрудничества между отцом и сыном, но отец, как автор, мог свободно вносить изменения в переведенные тексты, что он подчас и делал, если полагал это необходимым. Можно предположить, что

* В 1995 году, когда впервые вышло собрание рассказов Набокова, еще не была закончена исследовательская работа по уточнению набоковской библиографии, вследствие чего некоторые рассказы были датированы неверно и помещены в книге с нарушением хронологии или ошибочными датировками. В помещаемых нами в конце книги примечаниях эти неточности исправлены. — *Прим. ред.*

он поступил бы так же и с этими новыми переводами. Излишне говорить, что я, как единственный переводчик, брал на себя смелость исправлять лишь явные описки или опечатки, а также недочеты редактирования, оставшиеся от прежних времен. Наиболее серьезной из таких погрешностей оказался пропуск — целиком — великолепной заключительной страницы рассказа «Ассистент режиссера» во всех англоязычных изданиях, следующих, по-видимому, самому первому. Кстати, герой той песни, что дважды струится в рассказе, — это Стенька Разин, донской казак, бросивший в Волгу свою невесту.

Не скрою, на протяжении длительного времени, вынашивая это собрание, я не оставил без внимания уточнения и комментарии доштных переводчиков и редакторов недавно вышедших и готовившихся в это время переводов рассказов на другие языки, а также въедливые замечания тех, кто выпустил некоторые рассказы по-английски. Но как бы ревностно и педантично ни изучались тексты, какая-нибудь неуловимая мелкая рыбешка, а то и не одна, неизбежно проскользнет сквозь звенья невода. Тем не менее будущим редакторам и переводчикам следует учесть, что это собрание представляет наиболее точные версии не только английских переводов, но и — в первую очередь это касается тринадцати впервые публикуемых рассказов — русских подлинников (их расшифровка подчас представляла немалую трудность: в них встречаются, с одной стороны, возможные или вероятные описки автора или переписчика, требовавшие непростых решений, а порой — различные текстовые варианты).

Справедливости ради я бы хотел с благодарностью отметить довольно неожиданно присланные мне предварительные переводы двух рассказов. Один прислал Чарльз Николь, другой — Геннадий Барабтарло. Оба перевода были оценены по достоинству; оба содержали *trouvailles**. Однако в целях достижения необходимого стилистического единства я, как правило, не отступал от собственной английской манеры изложения. Я признателен Брайану Бойду, Дитеру Циммеру и Майклу Джулиару за их неоценимые библиографические разыскания. Но превыше всего я благодарен Вере Набоковой за ее бесконечную мудрость и необыкновенную пронизательность и за силу воли, благодаря которой она, несмотря на слабеющее зрение и непослушные руки, выполнила в самые последние дни своей жизни начальный перевод нескольких абзацев рассказа «Боги».

* Находки, удачные решения (*фр.*).

В кратком предисловии невозможно охватить темы, приемы и образы, которые переплетаются и развиваются в этих рассказах: воспоминания юных лет Набокова, прошедших в России; его университетские годы в Англии; его жизнь в Германии и Франции и, конечно, Америка, которую он, по его собственному выражению, вынужден был вновь изобрести после изобретения Европы. Рассказ, взятый наугад из тех тринадцати, что впервые публикуются в этом собрании, «Венецианка», с его неожиданным поворотом сюжета, свидетельствует об увлечении Набокова живописью (в отрочестве он хотел посвятить ей свою жизнь), раскрывающемся на богатом фоне, где есть и игра в теннис, которую он любил и описывал с особым вкусом. Гамма остальных двенадцати рассказов варьируется от притчи («Дракон») и политической интриги («Говорят по-русски») до поэтического, его собственного вида импрессионизма («Звуки» и «Боги»).

В своих примечаниях (также помещенных в этом томе) Набоков вскрывает некоторые особенности рассказов, вошедших в предыдущие сборники. Среди многого другого, к этому можно добавить жуткое раздвоение пространства-времени («Терра Incognita» и «Посещение музея»), которое предвворяет атмосферу таких произведений, как «Ада», «Бледный огонь» и, в определенной степени, «Сквозняк из прошлого»* и «Взгляни на арлекинов!». Увлечение Набокова бабочками становится ведущей темой «Пильграма» и сквозит во множестве других рассказов. Но что еще удивительнее, важное место в его сочинениях занимает музыка («Звуки», «Бахман», «Музыка», «Ассистент режиссера»), хотя он никогда не обнаруживал к ней особого пристрастия.

Особенно трогающий меня рассказ «Ланс» возвышенно описывает (как отец сказал мне) всю остроту и многообразие чувств, которые переживали мои родители в пору моего увлечения альпинизмом. Но, возможно, самая глубокая, самая важная для Набокова тема, будь то сюжетная основа или подтекст, — это неприятие жестокости: жестокости людей, жестокости судьбы; и в этой книге примеров тому великое множество.

Дмитрий Набоков

*Санкт-Петербург, Россия; Монтрё, Швейцария.
Июнь 1995 г.*

* Бывшее в ходу у Набоковых (на что указывает Г. Барабтарло) русское название романа «Transparent Things» (букв.: «Прозрачные вещи», 1972), по строке из стихотворения Набокова 1930 г. «Будущему читателю»: «Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк / из прошлого...» — *Прим. ред.*

История с находкой рассказа «Пасхальный дождь», теперь добавленного к настоящему изданию, изложена в примечании Георга Хепе, шеф-редактора гамбургского издательства «Rowohlt Verlag». Вот что он в частности об этом пишет:

«В 1987–1988 годах, когда мы готовили первое немецкое издание полного собрания рассказов, исследователь Набокова Дитер Циммер проверил все доступные библиотеки, как многообещающие, так и почти безнадежные, разыскивая апрельский номер эмигрантской газеты „Русское эхо“ за 1925 год, в котором, как он знал, был напечатан „Пасхальный дождь“. По однодневному пропуску он съездил даже в тогдашний Восточный Берлин, а кроме того, подумывал о посещении Deutsche Bücherei* в Лейпциге. Но надежда была слишком призрачной, а бюрократические препоны слишком непреступными. Было и еще одно соображение. Там могло не оказаться копировальной машины.

Когда мы уже опубликовали эти рассказы без „Пасхального дождя“, до нас дошли слухи, что некий ученый из Швеции обнаружил рассказ в Лейпциге. К тому времени „железный занавес“ рассыпался, и Циммер отправился проверить сообщение. И вот он был перед нами — полный комплект еженедельника „Русское эхо“. А „ксероксы“ тогда уже стояли повсюду».

Так «Пасхальный дождь», обнаруженный Светланой Польской, хотя ее имя стало нам известно лишь несколько лет спустя, и переведенный мною на английский в соавторстве с Питером Константайном для весеннего номера журнала «Conjunctions» за 2002 год, нашел свое место в этом томе.

Дмитрий Набоков
Вева, Швейцария. Май 2002 г.

Русский текст «Слова» впервые попал в поле моего зрения весной 2005 года; рассказ этот столь пронзительно эмоционален, что я, прежде чем приступить к переводу, вынужден был подавить в себе некоторые сомнения относительно его подлинности. Это был второй рассказ, опубликованный моим отцом, и первый, опубликованный после убийства его отца и моего деда, В. Д. Набокова, в 1922 году; написанный в Берлине, он был напечатан в 1923 году в одном из январских номеров «Руля» — русской эмигрантской газеты, со-

* Немецкая национальная библиотека (нем.).

издателем которой в Берлине был его отец. Как и «Ultima Thule», написанный годы спустя, рассказ «Слово» содержит всеобъясняющую тайну, узнать которую нам не дано. Подобно «Нежити» и одному из ранних стихотворений, озаглавленному «Революция», «Слово» проецирует идиллический, добрый мир на варварскую реальность, зловеще означенную местом этого произведения на страницах «Руля»: рассказ Набокова помещен следом за неоконченным фрагментом, вышедшим из-под пера его отца.

Кроме того, «Слово» принадлежит к очень немногим рассказам Набокова, в которых действуют ангелы. Это, конечно, сугубо личные воплощения, куда более тесно связанные с ангелами преданий, фантазий и фресок, нежели с традиционными ангелами русского православия. Несомненно также и то, что религиозные символы крайне редко возникали в произведениях Набокова после гибели его отца (см. рассказ «Удар крыла», где фигурирует ангел совершенно иного рода). Простосердечная восторженность «Слова» сквозит и в более поздних вещах моего отца, но лишь мимолетно, применительно к иному миру, который Набоков мог обозначить только намеками. Впрочем, он сам объяснял, что не смог бы сказать столь многого, не зная он больше, чем говорил.

Дмитрий Набоков
Монтрё, Швейцария. Январь 2006 г.

Летом 2006 года русский ученый Андрей Бабинов убедил меня, что «Наташа», неопубликованный рассказ, написанный около 1924 года и сосланный Набоковым в архив Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, округ Колумбия, заслуживает освобождения. Мой первоначальный перевод этого рассказа был выполнен на итальянский; он появился 22 сентября 2007 года в «Io Donna», приложении к газете «Corriere della Sera», а позднее — в толстом томе рассказов Набокова «Una Bellezza Russa e Altri Racconti»*, вышедшем в издательстве «Adelphi» весной 2008 года. Мой английский перевод был напечатан в «Нью-Йоркере» 9 июня 2008 года, а теперь включен в это издание.

Дмитрий Набоков
Июнь 2008 г.

* «Красавица и другие рассказы» (ит.).

[Bottom of the Barrel]

- The Wings/roke (Udar ryl'a, 1924)
Vengeance (Mest', 1924)
(Blagost', 1924)
The Seaport (Port, 1924)
Gods (Bogi, 1924)
The Fight (Draka, 1924)
The Razor (Britva, 1926)
Christmas Tale (Rozhdestvenskiy rasskaz, 1928)
The Enchanter (Volshhebnik, 1939)
[unpublished]

Stories written in English

- 1 The Assistant Producer, 1943
in *Ni Dozen*
[missing last page]
See A. Appel
- 2 That in Aleppo Once, 1943
- 3 A Forgotten Part, 1944
- 4 Time and Ebb, 1945
- 5 Conversation Piece 1945
- 6 Signs and Symbols 1948
- 7 Lance 1952
- 8 Scenes from the Life of a Double Monster 1958
- 9 The Vane Sisters 1959

**Рассказы,
публикуемые впервые**

Говорят по-русски

Табачная лавка Мартын Мартыныча помещается в угловом доме. Недаром табачные лавки питают пристрастие к углам: Мартын Мартыныч торгует бойко. Витрина невелика, но хорошо устроена. Небольшие зеркала оживляют выставку. Внизу, в ухабах голубого бархата, пестреют коробки папирос с названиями на том лощеном международном наречии, которое служит и для названий гостиниц; а повыше в своих легких ящиках скалятся ряды сигар.

В свое время Мартын Мартыныч был благополучный помещик: он знаменит в моих детских воспоминаниях диковинным трактором. А с его сыном Петей мы вместе болели Майн Ридом и скарлатиной, так что теперь, спустя пятнадцать всякой всячиной набитых лет, мне приятно было заходить в табачную лавку на бойком углу, где торговал Мартын Мартыныч.

Впрочем, начиная с прошлого года не одни только воспоминания связывают нас. Есть у Мартын Мартыныча тайна, и в эту тайну я посвящен. «Ну что, все по-прежнему?» — шепотом спрашиваю я, и он так же тихо, с оглядкой отвечает: «Да, слава Богу, все спокойно». Эта тайна совершенно неслыханная. А началось-то с такого пустяка!..

Помню, я уезжал в Париж и накануне отъезда просидел до вечера у Мартын Мартыныча. Душу человека можно сравнить с универсальным магазином, у которого две витрины — глаза. Судя по глазам Мартын Мартыныча, в моде были теплые, коричневые оттенки; судя по его глазам, товары в его душе были прекрасного качества. А какая густая бородаща, так и блистающая русской крепкой сединой... А плечи, рост, повадка... Некогда шла про него молва, что будто он шашкой разрубает на воздухе платок: подвиг Львиного Сердца! Теперь свой брат, эмигрант, говаривал с завистью: «Не сдал человек!»

Жена его была пухлая, ласковая старуха с бородавкой у левой ноздри. Со времен революционных мытарств у нее на лице жил трогательный тик: она быстро косилась на небо. Петя был того же здоровенного склада, как и отец. Мне нравилась его мягкая сумрачность и неожиданный юмор. У него было большое рыхлое лицо, о котором отец говорил: «Экая морда, в три дня не обойдешь», и рыжевато-русые, всегда взлохмаченные волосы. Пете принадлежал в нелюдной части города крохотный кинематограф, дававший очень скромный доход. Вот и вся семья.

Тот день накануне отъезда, который я провел, сидя у прилавка и глядя, как Мартын Мартыныч принимает покупателей: слегка двумя пальцами обопрется о прилавок, потом шагнет к полке, выплеснет коробку и спросит, ногтем большого пальца вскрывая ее: «Айне раухен?» — тот день мне запомнился вот почему: вдруг с улицы вошел Петя, лохматый и темный от бешенства. Племянница Мартын Мартыныча собралась вернуться к матери в Москву, и Петя только что ходил в представительство. Пока один представитель давал ему справку, другой, явно имевший отношение к политическому управлению государством, едва слышно прошептал: «...шляется всякая белогвардейская шваль...»

«Я бы мог из него сделать кашу, — сказал Петя, хлопнув кулаком о ладонь, — но, к сожалению, вспомнил тетю в Москве».

«Кое-какие грешки у тебя на душе уже имеются», — мягко громыхнул Мартын Мартыныч. Он намекал на чрезвычайно забавный случай. Не так давно, в день своего ангела, Петя отправился в советский книжный магазин, который портит своим присутствием одну из прелестнейших берлинских улиц. Там продаются не только книги, но и всякие кустарные вещицы. Петя выбрал молоток, разрисованный маками и украшенный соответственной для большевицкого молотка надписью. Приказчик осведомился, не угодно ли ему еще чего купить? Петя сказал: «Да, угодно» — и кивнул по направлению небольшого гипсового бюста господина Ульянова. За бюст и за молоток он заплатил пятнадцать марок и затем, ни слова не говоря, тут же на прилавке кокнул этим молотком по этому бюсту, да так, что господин Ульянов рассыпался.

Я любил этот рассказ, как любишь, например, милые прибаутки незабвенного детства, от которых делается тепло на душе.

При словах Мартын Мартыныча я со смехом поглядел на Петю. Но Петя угрюмо двинул плечами и насупился. Мартын Мартыныч, порывшись в ящике, поднес ему самую дорогую папиросу в лавке. Однако Петя и тут не прояснился.

В Берлин я вернулся через полгода. Как-то воскресным утром меня потянуло к Мартын Мартынычу. В будни можно было пройти к нему через лавку, так как прямо за ней находилась его квартира: три комнаты и кухня. Но, конечно, в то воскресное утро лавка была заперта, и витрина опустила свое решетчатое забрало. Я мельком взглянул сквозь решетку на красные и золотые коробки, на смуглые сигары, на скромную надпись в углу: «Говорят по-русски», подумал, что выставка стала как-то еще веселее, и прошел через двор к Мартын Мартынычу. Странное дело — и сам Мартын Мартыныч показался мне еще более веселым, бодрым, ясным, чем раньше. А Петю так и узнать нельзя было: его жирные лохмы были зачесаны назад, широкая, слегка застенчивая улыбка не покидала его губ, он был насыщенно молчалив, и какая-то радостная озабоченность, словно он нес в себе ценный груз, смягчала все его движения. Одна только мать была так же бледна, как прежде, и тот же трогательный тик легкой зарницей мигал по ее лицу. Мы сидели в их опрятной гостиной, и я знал, что остальные две комнаты — Петина спальня и спальня его родителей — такие же уютные и чистые, и эта мысль была мне приятна. Я пил чай с лимоном, слушал мягкий говор Мартын Мартыныча и не мог отделаться от впечатления, что в их квартире появилось что-то новое, какой-то веселый таинственный трепет, как, скажем, бывает в доме, где есть молодая роженица. Раза два Мартын Мартыныч озабоченно поглядывал на сына, и тот сразу поднимался, выходил из комнаты, а по возвращении легонько кивал отцу: все, дескать, обстоит отлично.

Нечто новое и для меня загадочное было и в разговоре старика. Говорили мы о Париже, о французах, и вдруг он спрашивает: «А скажите, голубчик, какая самая большая тюрьма в Париже?» Я ответил, что не знаю, и стал рассказывать об одном тамошнем обозрении, где появляются дамы, выкрашенные в синий цвет. «Это еще что! — перебил меня Мартын Мартыныч. — Вот, например, говорят, что женщины в тюрьмах царапают штукатурку и ею белят себе щеки или, там, шею». В подтверждение своих слов он принес из своей спальни толстый

том немецкого криминалиста и отыскал в нем главу о тюремном житье-бытье. Я пробовал переменить разговор, но какую бы тему я ни избирал, Мартын Мартыныч искусными поворотами подвигал ее так, что мы вдруг оказывались рассуждающими о человечности бессрочного заключения по сравнению с казнью или о хитрых способах, которые придумывает преступник, чтобы вырваться на вольный свет.

Я недоумевал. Петя, обожавший всякие механизмы, ковырял перочинным ножом в пружинках своих часов и тихо посмеивался. Его мать вышивала, изредка подталкивая ко мне то сухари, то варенье. Мартын Мартыныч, всей пятерней впившись в свою растрепанную бороду, искоса сверкнул на меня рыжим глазом, и вдруг что-то в нем прорвалось. Он бухнул ладонью о стол и обратился к сыну: «Не могу больше, Петя, все ему расскажу. Иначе лопну». Петя молча кивнул. Жена Мартын Мартыныча встала, чтобы пойти на кухню, и ласково покачала головой: «Какой ты, однако, болтун». Мартын Мартыныч положил руку мне на плечо, тряхнул меня так, что, будь я садовой яблоней, с меня бы яблоки так и посыпались, — и заглянул мне в лицо. «Предупреждаю вас, — сказал он, — я сообщу вам такую тайну, такую тайну... что уж прям не знаю. Смотрите же — молчок! Поняли?»

И, близко наклонившись ко мне, обдавая меня запахом табаку и собственным крепким старческим духом, Матрын Мартыныч мне рассказал поистине замечательную историю*.

«Это случилось, — начал Мартын Мартыныч, — вскоре после вашего отъезда. Зашел покупатель. Он, видно, не заметил надписи в окне — обратился ко мне по-немецки. Подчеркнем это: если бы он надпись заметил, то в мою эмигрантскую лавчонку бы не зашел. Я сразу признал в нем русского, по прононсу. Да и рожа у него тоже была русская. Я, конечно, пустил в ход родной язык, спросил, там, в какую цену, какой сорт. Он неприятно удивился, посмотрел как-то так на меня, довольно нахально сказал: „Отчего это вы решили, что я русский?“ Я что-то ответил, вполне, кажется, добродушно, и стал отсчитывать для не-

* Прим. авт. В этой истории, разумеется, все черты и приметы, могущие дать намек на настоящего Мартын Мартыныча, сознательно искажены. Говорю это затем, чтобы любопытные не искали бы зря «табачной лавки в угловом доме».

го папиросы. В эту минуту вошел Петя. Он увидел моего покупателя и совершенно спокойно сказал: „Вот это приятная встреча“. Затем мой Петя к нему подходит вплотную и кулачищем трах по скуле. Тот застыл. Как мне потом Петя объяснил, вышел не просто нокаут, когда человек сразу плюхается на пол, а нокаут особенный: Петя, оказывается, ударил с оттяжкой, и тот, стоя, уснул. И как будто стоя спит. Затем он стал медленно клониться назад, как башня. Тут Петя зашел сзади него и подхватил под мышки. Все это было крайне неожиданно. Петя сказал: „Помоги, батя“. Я спросил его, что он, собственно говоря, делает? Петя только повторил: „Помоги“. Я Петю хорошо знаю — нечего тебе там, Петя, ухмыляться, — и знаю, что он человек солидный, тяжелодум и зря людей не оглушает. Мы протащили оглушенного из лавки в коридор и дальше в Петину комнату. Тут я услышал звоночек: кто-то зашел в магазин. Хорошо, конечно, что этого раньше не случилось. Я — обратно в лавку, отпустил товар, потом, к счастью, явилась жена с покупками, и я сразу посадил ее торговать, а сам, ничего не говоря, махом к Пете в комнату. Человек лежал с закрытыми глазами на полу, а Петя сидел у стола и этак задумчиво рассматривал некоторые предметы, как-то: большой кожаный портсигар, полдюжины неприличных открыток, бумажник, паспорт, старый, но на вид дельный револьвер. Он сразу объяснил мне, в чем дело: как вы, верно, догадываетесь, это были вещи, извлеченные из кармана человека, а сам человек был не кто иной, как тот представитель, который — ну, помните, Петя рассказывал — прошелся насчет белой швали? Во-во! И, судя по некоторым бумагам, был он самый что ни на есть гэзэшник. Ну хорошо, сказал я Пете, вот ты человека по морде шмякнул — за дело или не за дело — это другой вопрос, — но объясни мне, пожалуйста, как ты теперь намерен поступать? Ты, видно, забыл тетку в Москве? „Да, забыл, — сказал Петя. — Нам нужно что-то придумать“.

И мы придумали. Сначала достали крепкую веревку и полотенце, туго-натуго окрутили его, а полотенцем заткнули рот. Пока мы над ним трудились, он пришел в себя и открыл один глаз. Морда при ближайшем рассмотрении оказалась, доложу вам, поганая и притом глупая; какая-то парша на лбу, усики, нос дулей. Оставив его лежать на полу, мы с Петей удобно расположились по соседству и начали судебное разбирательство. Мы

рядили долго. Нас не столько занимал самый факт оскорбления — это была, конечно, мелочь, — нас занимала вся его, так сказать, профессия, его действия в России. Последнее слово было предоставлено подсудимому. Когда мы высвободили полотенце из его рта, он как-то застонал, захлебнулся, но ничего не сказал, кроме: „Вы у меня погодите, вы у меня только погодите...“ Полотенце было снова завязано, и продолжалось заседание. Голоса сперва разделились. Петя требовал смертной казни. Я нашел, что он смерти достоин, но предлагал заменить казнь пожизненным заключением. Петя подумал и со мной согласился. Я добавил, что хотя преступления он, конечно, совершал, но проверить этого мы не можем; что преступлением является уже одна его служба; что наш долг состоит только в том, чтобы его обезвредить, и баста. Теперь слушайте дальше.

В конце коридора есть у нас ванная. Комнатка темная-темная, с белой железной ванной. Вода частенько бастует. Бывают тараканы. В этой комнатке так темно, оттого что окошко совсем узкое и расположено под самым потолком — а кроме того, сразу против окошка на расстоянии аршина, а то и меньше — здоровая кирпичная стена. И вот в этой-то камерке мы и решили держать заключенного. Это была Петина мысль — да-да, Петя, кесарево кесарю. Конечно, сперва нужно было известным образом камеру устроить. Сначала мы перетащили пленника в коридор, чтобы он был поблизости, пока мы работаем. Тут моя жена, которая только что заперла на ночь лавку и шла в кухню, нас и заметила. Она очень удивилась, даже возмутилась, но потом поняла наши доводы. Она у меня тихая. Петя раньше всего распистонил крепкий стол, стоявший в кухне, отбил ему ноги и полученной доской заколотил окошко в ванной. Затем он отвинтил краны, убрал цилиндр, служивший для нагревания воды, и в ванной разложил тюфяк. В следующие дни, конечно, мы вводили всякие улучшения: переменили замок, приделали засов, железом обделали доску в окне, — и все это, понятно, не очень громко; соседей у нас, как вы знаете, нет, но все-таки нужно было действовать осторожно. Получилась настоящая тюремная камера, и в нее мы посадили гэпэушника. Веревку распутали, полотенце развязали, предупредили, что если он будет кричать, то мы его спеленаем снова, да надолго, и, убедившись, что он понял, для кого в ванну положен тюфяк, заперли дверь, и всю ночь, сменяясь, сторожили.

С этого времени началась у нас новая жизнь. Я уже был не просто Мартын Мартыныч, а Мартын Мартыныч тюремный надзиратель. Сначала заключенный был так ошеломлен происшедшим, что вел себя тихо. Вскоре, однако, он пришел в нормальное состояние и, когда мы принесли ему обед, открыл ураганную ругань. Не могу повторить, как этот человек бранился: скажу только, что он в самые любопытные положения ставил мою покойную матушку. Решено было хорошенько ему втолковать, каков его юридический статус. Я объяснил ему, что в тюрьме он останется до конца своих лет, что если я умру раньше, то, как наследство, передам его Пете, что мой сын в свою очередь передаст его моему будущему внуку и так далее, и тем самым он станет как бы традицией нашей семьи, фамильной драгоценностью. Между прочим я упомянул и о том, что если, паче чаяния, придется нам переехать на другую берлинскую квартиру, то он будет связан, положен в специальный сундук и преспокойно переедет с нами. Я предупредил его далее, что в одном только случае ему будет дана амнистия. А именно: он будет выпущен на свободу в тот день, когда лопнут большевики. Наконец, я ему обещал, что кормить его будут хорошо, куда лучше, чем меня кормили, когда в свое время я сидел в чрезвычайке, и что, как особая льгота, будут ему выдаваться книги. И действительно, до сего дня он, кажется, ни разу не пожаловался на пищу. Правда, сначала Петя предлагал кормить его воблой, но, как он ни рыскал, воблы в Берлине не оказалось. Приходится его кормить по-буржуйски. Утром, ровно в восемь часов, мы с Петей входим, ставим подле его ванны миску горячего супа с мясом и ковригу серого хлеба. Заодно выносим судно — остроумнейший прибор, который мы специально для него приобрели. В три часа он получает стакан чаю, а в семь часов опять суп. Эта система питания есть подражание системе, применяемой в лучших европейских тюрьмах.

Насчет книг было сложнее. Мы устроили семейный совет и для начала остановились на трех книгах: „Князь Серебряный“, „Басни“ Крылова и „В восемьдесят дней вокруг света“. Он объявил, что этих „белогвардейских брошюр“ читать не станет, но книжки мы у него оставили, и у нас есть все основания думать, что он их с удовольствием прочел.

Настроения его менялись. Он притих. По-видимому, придумывал что-то. Быть может, он надеялся, что полиция станет его

искать. Мы просматривали газеты, но в них не было ни слова о пропавшем чекисте. Вероятно, другие представители решили, что просто человек сбежал, и предпочли замять дело. К этому периоду раздумья относится его попытка ускользнуть или хотя бы дать о себе знать внешнему миру. Он топтался по камере, тянулся, вероятно, к окну, пробовал расшатать доски, пробовал стучать, но мы ему кое-чем пригрозили, и он стучать перестал. А однажды, когда Петя один вошел к нему, он на него кинулся. Петя нежно обнял его и посадил обратно в ванну. После этого случая он опять переменялся, стал совсем добрый, даже пошучивал, и, наконец, попытался нас подкупить. Предложил огромную сумму, обещал ее достать через кого-то. Когда и это не помогло, он стал хныкать, а потом браниться пуще прежнего. Сейчас он в стадии мрачного смирения, которое, боюсь, к добру не приведет.

Ежедневно мы его прогуливаем по коридору, а два раза в неделю проветриваем при открытом окне; разумеется, принимаем при этом все предосторожности, чтобы он не кричал. По субботам он берет ванну. Нам самим приходится мыться на кухне. По воскресеньям я читаю ему коротенькие лекции и даю выкурить три папиросы — в моем присутствии, конечно. О чем эти лекции? Да о всякой всячине. О Пушкине, например, или о Древней Греции. Только нет одного — политики. Он политики абсолютно лишен. Слово вообще такой штуки на свете не существовало. И знаете что? С тех пор как я держу одного чекиста взаперти, с тех пор как служу отечеству, я прямо другой человек. Бодр и счастлив. И дела пошли лучше, так что и содержать его не так трудно. Он обходится мне этак марок в двадцать в месяц, считая расход на электричество: у него там совсем темно, так что днем от восьми до восьми горит одна слабая лампочка.

Вы спрашиваете, из какой он среды? Да как вам сказать. Ему двадцать четыре года, сын мужика, школу, даже сельскую, вряд ли кончил, был, что называется, „честный коммунист“, учился только политической грамоте, что по-нашему значит квадратура круглых дураков, — вот и все, что знаю. Да впрочем, если желаете, я вам его покажу. Только помните, помните — молчок!»

Мартын Мартыныч пошел в коридор. Мы с Петей за ним последовали. Старик в своей уютной домашней куртке дейст-

вительно смахивал на тюремного сторожа. На ходу он вынул ключ, и в том, как он сунул его в замок, было что-то почти профессиональное. Замок дважды хрустнул, и Мартын Мартыныч отпахнул дверь.

Это была вовсе не темная конура, а прекрасная просторная ванная комната, какая бывает в благоустроенных немецких домах. Мягко горел приятный для глаза электрический свет, защищенный расписным веселеньким абажуром. В левой стене сияло зеркало. На столике подле ванны были книги, блестя тарелочка с вычищенным апельсином, стояла непочатая бутылка пива. В белой ванне, на тюфяке, прикрытом чистой простыней, с большой подушкой под затылком, лежал упитанный, яркоглазый, обросший бородой парень в мохнатом купальном халате с барского плеча и в теплых мягких ночных туфлях.

«Ну как?» — обратился ко мне Мартын Мартыныч.

Мне было смешно, я не знал, что сказать.

«Вон там было окно», — указал пальцем Мартын Мартыныч. Окно, точно, было превосходно заделано.

Заклоченный зевнул и отвернулся к стене. Мы вышли. Мартын Мартыныч с улыбкой потрогал засов.

«Не убежит, дудки, — сказал он и потом задумчиво добавил: — Интересно все-таки знать, сколько лет он там будет сидеть?»

Звуки

1

Окно пришлось захлопнуть: дождь, ударяясь о подоконник, брызгал на паркет, на кресло. По саду, по зелени, по оранжевому песку, свежо и скользко шумя, неслись громадные серебряные призраки. Гремела и захлебывалась водопроводная труба. Ты играла Баха. Рояль поднял лаковое крыло, под крылом плашмя лежала лира, по струнам перебирали молоточки. С хвоста рояля парчовый ковер сполз грубыми складками, уронив на паркет распахнувшийся опус. Иногда сквозь волнение фуги кольцо звякало о клавиши, и беспрерывно и великолепно

в стекла хлестал июльский ливень. И, не прерывая игры и слегка нагнув голову, ты восклицала в такт — поневоле певуче:

— Дождь, дождь... Я его заглушаю!..

Но заглушить ты его не могла.

Оторвавшись от альбомов, бархатными гробами лежавших на столе, я смотрел на тебя, слушал фугу, дождь, — и росло во мне чувство свежее, как запах мокрых гвоздик, что стекал отовсюду: с полок, с крыла рояля, с продолговатых алмазов люстры. То было чувство какого-то восторженного равновесия: и чувствовал я музыкальную связь между серебряными призраками дождя и твоими покатыми плечами, вздрагивающими, когда ты вдавливала пальцы в зыбкий лоск. И когда я углублялся в себя, весь мир показался мне таким — цельным, согласным, связанным законами гармонии. Я, ты, ливень, гвоздики — были в это мгновение вертикальным аккордом на нотных линиях. Я понял, что все в мире игра одинаковых частиц, составляющих разные созвучия: деревья, воду, тебя... Едино, равноценно, божественно. Ты встала. Еще солнце скашивал дождь. Лужи казались провалами в темном песке, просвечивали в какие-то другие небеса, скользящие под землей. На скамейке, блестящей, как датский фарфор, лежала забытая ракета: струны побурели из-за дождя, рама выгнулась восьмеркой.

Когда мы вошли в аллею — легко закружилась голова от пестроты теней, от грибной прели. Я помню тебя в каком-то просвете. У тебя были острые локти и бледные, словно опыленные, глаза. Когда говорила — резала воздух ребрышком ладони, блеском браслета на худой кисти. Волосы твои переходили, тая, в солнечный воздух, дрожащий вокруг них. Ты много и торопливо курила. Выдыхала дым через обе ноздри, угловато стряхивая пепел. Твоя сизая усадьба находилась в пяти верстах от нашей. В усадьбе твоей было звонко, пышно и прохладно. Снимок с нее появлялся в глянцевином столичном журнале. Почти каждое утро я взмахивал на кожаный клин велосипеда и шелестел, шелестел по тропинке, лесом, затем, по шоссе, через село и снова по тропинке — к тебе. Ты рассчитывала, что твой муж до сентября не придет. И ничего мы с тобой не боялись, ни сплетен твоих слуг, ни подозрений моей семьи. Оба, по-разному, мы верили в судьбу.

Содержание

<i>Дмитрий Набоков. Предисловие</i>	
<i>Перевод Е. Петровой под редакцией А. Бабикова</i>	5

Рассказы, публикуемые впервые

Говорят по-русски	17
Звуки	25
Боги	37

Рассказы, написанные по-русски (1920–1940)

Нежить	47
Слово	50
Удар крыла	53
Мечь	72
Благость	79
Порт	84
Случайность	90
Картофельный Эльф	98
Пасхальный дождь	118
Катастрофа	124
Гроза	130
Наташа	133
Венецианка	144
Бахман	170
Дракон	179
Рождество	184
Письмо в Россию	189
Драка	193
Возвращение Чорба	198
Путеводитель по Берлину	206

Бритва	211
Сказка	214
Ужас	225
Пассажир	231
Звонок	236
Подлец	246
Рождественский рассказ	269
Пильграм	274
Обида	287
Занятой человек	296
Terra Incognita	306
Уста к устам	313
Встреча	325
Лебеда	332
Музыка	339
Хват	344
Совершенство	352
Адмиралтейская Игла	362
Королек	371
Круг	380
Оповещение	389
Памяти Л. И. Шигаева	394
Красавица	401
Тяжелый дым	405
Набор	410
Случай из жизни	415
Весна в Фиальте	421
Облако, озеро, башня	438
Истребление тиранов	446
Посещение музея	468
Лик	477
Василий Шишков	497
Ultima Thule	502
Solus Rex	527

Рассказы, вошедшие в «Другие берега»

Mademoiselle O	555
Первая любовь	573

Рассказы, написанные по-английски (1943–1951)

Перевод и примечания Геннадия Барабтарло

Предуведомление переводчика	584
Ассистент режиссера	585
«Что как-то раз в Алеппо...»	602
Забывтый поэт	612
Быль и убыль	624
Жанровая картина, 1945 г.	632
Знаки и знамения	645
Двуглавая невидаль. <i>Сцены из жизни сросшихся близнецов</i>	651
Сестры Вэйн	660
Ланс	677

Примечания

Примечания Дмитрия Набокова	
<i>Перевод Е. Петровой под редакцией А. Бабикова</i>	693
Примечания редактора	712

Приложение

(Заметка и предисловия Владимира Набокова)

Перевод Е. Петровой под редакцией А. Бабикова

Библиографическая заметка к сборнику «Nabokov's Dozen» [«Набокова дюжина»]	745
Предисловие к сборнику «A Russian Beauty and Other Stories» [«Красавица»] (1973)	746
Предисловие к сборнику «Tyrrants Destroyed and Other Stories» [«Истребление тиранов»] (1975)	746
Предисловие к сборнику «Подробности заката» (1976)	747

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ

Редактор Андрей Бабилов
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Шнитникова, Валентина Гончар, Людмила Ни
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 47. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABB-18612-04-R